

www.promegalit.ru

эдуард учаров
трёхколёсное небо
книга стихотворений

Поэтическая серия
«Только для своих»

Эдуард Учаров

трёхколёсное небо

Евразийский журнальный портал «Мегалит»
2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Эдуард Учаров. Трёхколесное небо: книга стихотворений - сер. «Только для своих» - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2015 г. - 56 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 5-87039-087-12

© Эдуард Учаров, стихотворения, 2015

© Александр Петрушкин, дизайн, верстка, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПАРК ЧЁРНОЕ ОЗЕРО

/7/

5-Я ГОРБОЛЬНИЦА

/9/

БОРОВОЕ МАТЮШИНО

/10/

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

/11/

Дятел – разведчик звука

/12/

Я ещё до конца не изучен

/13/

Не поезд Анну красит

/14/

ПРИТЧА ВО ЯНЦЗЫЦЕХ

/15/

Я себя возлюбил с незапамятных пор

/16/

А что поэт? Сидит себе на жёрдочке

/17/

ПЕТУХ

/18/

31 ДЕКАБРЯ

/19/

О ВЕРЛИБРЕ В МАЛИБУ

/20/

Живу. И видит Бог... Конечно, нет

/21/

ПОДВОРОТНЯ

/22/

Забалдев под болдинскую осень

/23/

АНКА

/24/

Колодезная рябь

/25/

Утром мама взорвёт небеса

/26/

АМЕНХОТЕП ИВАНОВИЧ

/27/

Там, в голове, зреет яйцо ума

/28/

ЗОДИАК

/29/

АКРОСТИХ

/30/

В день бездумный и промозглый

/31/

ЦВЕТМЕТ: ПУНКТ ПРИЁМА

/32/

Не о том я пока пою

/33/

О.М.

/34/

ИНОРОДНАЯ ВЕЩЬ

/35/

Где истина высоколоба

/36/

Небо с водой не дружит

/37/

За окном, до утра приуныв

/38/

Позади – как в полыни

/39/

ПАДАЕТ ТИШИНА

/40/

Куличики лепил на берегу

/41/

ДЕКАБРЬСКИЙ ДОЖДЬ

/42/

ФОТОСИНТЕЗ

/43/

Жизнь – застенчивый кузнечик

/44/

Птичий контур, чертёж без деталей

/45/

Проржавела небесная кровля

/46/

Так устану – что ты к устам

/47/

ТРЕХКОЛЁСНЫЙ БОГ

/48/

АНДАЛУЗСКИЙ ПЁС

/49/

Иногда нужно вспомнить, что я человек

/50/

КИНО

/51/

В кашемировом небе на вырост

/52/

ПАРК ЧЁРНОЕ ОЗЕРО

Живёшь и печёную осень
подносишь к измятым губам,
а жёлтое крошево сосен
бескрылым хранишь голубям.

Пройдя через Арку влюблённых,
спускаясь за дождичком вниз,
сквозь цепь искалеченных клёнов
ты озера видишь карниз.

И так обрываешься сердцем,
что с тяжким пакетом в руках
торопишься где-то усестся,
у парочки место украв.

Задумчиво и виновато
твой взгляд переулку открыт –
Пассажу киваешь приватно,
рассыпав по лавке дары.

И Чёрное озеро примет
(пока ты ещё не домок)
заветное тление примы
и пива ершистый дымок.

Вот так вот – сидишь на скамейке,
корнями ушедшей в погост,
а годы проносятся мельком
в аллеях, где ты произрос.

Где бегал на лыжах и с горки
ледянками мучил асфальт,
где летом от корки до корки
читался мячами офсайд.

Где в марте, отважный и робкий,
в стремнине коварного льда
на досках хоккейной коробки
ты плыл неизвестно куда...

Сидишь и под баночку пива
печёную осень жуёшь –
и вроде не так уж тоскливо,
и даже как будто живёшь.

5-Я ГОРБОЛЬНИЦА

Ангел явится – и вдруг начнёшь креститься,
да шарахнешься с насиженного рая
в неврологию, где пухлая сестрица
за кроссвордом и печеньем умирает.

То ли топот по линолеуму слышен,
что, как инсульт, пробивает черепушку,
то ли в межпозвонковой давней грыже
заходили с визгом диски у старушки?

Этим утром бродит солнце по палатам
и на лазер просыпающихся удит.
Расщепляет массажист тебя на атом
и капелью острой капельница будит.

Оборону держит строго старый замок,
и моргают занавесками бойницы...
Внеурочный посетитель – полустанок –
разгоняет поездами боль больницы.

БОРОВОЕ МАТЮШИНО

Дунет небо в дудку леса –
зашуршит кручёный лист,
он, есенинский повеса,
головою вниз повис.

Из-за тучи, из-за бора,
бок сдирая о весло,
в оцеплении забора
смотрит Волга на песок.

Не в царёвых, но в палатах,
где на месяц я увяз,
за умеренную плату
погружаюсь в тихий час.

Ад молчанья – вот мне школа!
Здесь от третьего лица
я больного Батюшкова
учитаю до конца.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Живёт мостами не уставший клацать
мертвец, рождённый топором Голландца.

И будет день на откуп дан сторуким –
топор ещё аукнется старухам,

Когда костью сплетённое болото
прольётся в айвазовские полотна.

Потом октябрь за нас проголосует
и выпалит заря не вхолостую,

Где петербургским царственным разиней
салат-дворец отправлен в морозильник.

А нынешний сермяжный управитель
уже другую пестует обитель.

Дятел – разведчик звука,
родственник молотка,
сколько ты мне отстукал
птичьего молока?

Сколько, вещая птица,
голосу вышло жить?
Сколько мне слов приснится
и прислышится лжи?

Чёртова колотушка
присно пишушим в стол!
Скольким станет ловушкой
бьющее долото?

Проклятыми листьями
ты по вискам – в упор,
если стучать устанешь,
я подхвачу топор.

Я ещё до конца не изучен,
не испытан на прочность пока,
но как колокол бьётся в падучей –
я набатом сдираю бока

и плыву в этих отзвуках долгих,
наблюдая, как с гулом сердец
проступает над веною Волги
побелевший часовни рубец.

И в малиновом хрусте костяшек,
на ветру у свияжских лагун,
прозреваю я голос свой тяжкий,
но понять до конца не могу.

Бечеву до небес изнаждачив,
истрепав до полбуквы словарь,
захожусь в оглушительном плаче –
одинокو зовущий звонарь.

Не поезд Анну красит, –
но катится трамвай
отточенную фразой –
под дребезжанье свай.

Куют колёса гомон,
звонит прямая речь
в предчувствии знакомом
смертельных телу встреч.

Теперь за все цитаты
расплатится с лихвой
уже известный автор,
упав на мостовой.

ПРИТЧА ВО ЯНЦЫЦЕХ

Я от жёлтого ливня тебя не спасу,
хворостиной по спинке до дома пасу.
Ты Сибирь, как гранату, кидая,
пей зелёные травы Китая.

Отличай, если хочешь, Рембо от Рабле,
и пока ты на пьяном плывёшь корабле –
я тебя приласкаю по скайпу
от шиньона до красного скальпа.

А в соломенной шляпе седой мандарин
говорит языком привозных мандолин,
и елозит на джонке Лолита,
пропадая в стране целлюлита.

Ничего не осталось от двух ойкумен –
потому что живём мы в аду перемен,
покурить бы зелёного чая,
бытиё из себя исключая.

За Урал красновзвёздные мечты мечи
или просто тибетскую тайной молчи,
в быстротечной могиле Чапая
от прилива крови утопя...

Я себя возлюбил с незапамятных пор –
до росиночки пота из чувственных пор.

И, лелея альтистый в себе голосок,
по утрам выпивал крови ближнего сок.

Мой язык наполнялся и чище звенел
от любви, ничего не просящей взамен.

Становясь год от года матёрей и злей,
прирастая костями ушедших друзей,

на высоты такие я ставил свечу,
где и страх упряднён за отсутствием чувств.

И в глубинных открытиях разбитых зеркал
бесконечно ужасно себя созерцал.

А что поэт? Сидит себе на жёрдочке,
клеветает клювом, зарится пером...
Легонечко весна коснётся форточки
и озарит лазурью птичий дом.

По зёрнышку, по лучику, по ядрышку
накрошит в плоску солнечных деньков
и радужно их сядет щёлкать рядышком
за прутьями плывущих облаков.

У клетки золотой названий тысяча.
Щеколдой нёба небо щекоча,
и ты сейчас сидишь себе напыщенный –
соловушкаю в облике грача.

ПЕТУХ

Если комом каждый слог,
мысли, как взбешённый улей –
упоительно и зло
ноги тянутся на стуле.

Продевается за стык
бечева, потёмки саля.
Фиолетовый язык
отсекает смерть косая.

Ночью выстрелом шагов
метит бес поэта-шельму –
у того рубцы от кофт,
от петли лоснится шея.

И хрипит с утра петух
так обыденно и плоско –
будто тщетность слов-потуг
возвратилась отголоском.

31 ДЕКАБРЯ

Окончен год до срока,
промчался день за час.
Мы снова делим бога
на целое и часть.

Мы добавляем лица
в великий телефон,
и вечный список длится
на тысячи имён.

Сегодня фейерверком
надежд сверкнут глаза,
и, как под Кёнигсбергом,
орудий грянет залп.

А завтра русской болью
охрипший в пире бронх
у выдоха отмолит
последующий вздох.

О ВЕРЛИБРЕ В МАЛИБУ

Костью в разодранном горле
завоевание Уитмена –
для ребятишек российских, ищущих ключ к словам.

Переболевшим корью,
вам не избежать с ритмами
инфекционной речёвки, распространённой там:

в Нью-Йорке, где стариковски
(в скромной квартирке не тесной, но
пальцы – в плену у клавиш) текст принуждая к «ню»,

ка(ню)чит жалкий Буковски
про баб залётных, естественно,
как он буравил их перцем несколько раз на дню.

Здесь огурец нарежет
Виталик к стакану спиртика
и философски заметит: «Что я в стихах е...?»

А где-то на побережье
волна увлечётся Спилбергом
невдалеке от дома в таинственном Малибу.

Живу. И видит Бог... Конечно, нет.
Имеющий глаза да не увидит.
Как написал дряхлеющий Овидий –
о, как он интересно написал...

По выходным безвыходность гнетёт.
Заматеревший март ручьями полон...
До вечера капель играет в поло,
а ночью Марко ищет, где восток.

Когда же перемелются снега,
на суточном дежурстве мне по рации
ты передашь, должно быть, друг Гораций,
что завтра будет лучше, чем вчера...

ПОДВОРОТНЯ

Привет тебе, суровый понедельник!
Должно быть, вновь причина есть тому,
что в подворотне местной богадельни
тайком ты подворываешь тьму.

И клинопись с облезлой штукатурки
на триумфальной арке сдует тут.
Здесь немцы были, после клали турки...
на Vaterland могильную плиту...

Теперь же неуёмная старушка
с бутылным звонцем – сердцу веселей –
все мыслимые индексы обрушит
авоською стеклянных векселей.

И каждый здесь Растрелли или Росси,
когда в блаженстве пьяном, от души,
на белом расписать пиво просит
и золотом историю прошить.

Забалдев под болдинскую осень,
заварю иголки кипариса:
заходи чайку попить, Иосиф –
неба умирающего писарь.

Посиделки с классиком поэту
как не помянуть тоскливо-броско?
Потому в Венецию поеду,
или где там похоронен Бродский?

Только в эту шалевую осень
ошалеть другим придётся строкам –
водки заходил напиться Осип,
чтоб согреться под Владивостоком...

АНКА

И вечер на тебя немного укорочен,
и ложу египтян завидует Прокруст,
и колотушкой лба сияет околотчий,
о косяки дворцов раздаривая хруст.

Не слышен ход небес, веление царёво –
принцессу не будить на месяц Рамадан,
пока безумный март Алисою зарёван,
и розы февраля царапают майдан.

И рвётся из цепей тоска цепных реакций
ядренным ноябрём с Авророю в капкан.
Заря ещё красна с пальбою пререкается,
когда на Ильича картавится Каплан.

Задушенный Кавказ умоется снегами,
Остапу надоеет промышленный Провал.
И, если я не прав, возьми в ладонь не камень,
а вычурный наган и ущеми в правах.

И вечер на тебя немного укорочен,
и ленточки твои заплетены в «Максим».
Встречай и напиши о стрёкоте сорочьем,
ресницами в крови на карту занеси...

Колодезная рябь –
на хруст, как всхлип ребёнка,
пелёнка рвётся тонко
о льдинку ноября,

где огненный сазан,
набухнув пухлой брюквой,
мелькнёт нелепой буквой,
плывя реке в казан.

Раз так заведено –
в круги проплыть от камня,
что в Лету гулко канет,
ударившись о дно.

Моря спадают ниц,
к луне отходят воды,
и кесарь время водит
по лону рожениц.

Утром мама взорвёт небеса,
а затем подожжёт и подушку.
Как об этом, скажи, не писать,
если их мчс не потушит?

И в столичных духовках метро,
злопыхателям местным на радость,
на глубинах пропащих – и то –
увеличится вверенный градус.

Как на это, скажи, мне смолчать
и умерить дозорный хрусталик,
если есть и слеза, и свеча,
если мамыны руки устали?

И тряпичное бьётся окно
о бегущие тучи дюрала,
разве выдержит небо его,
где стекло ещё не протирали?

АМЕНХОТЕП ИВАНОВИЧ

За артефактом Мемнона на питерском листе
Аменхотеп Иванович загадочно блестел.

Молчанием взбешённого, но мудрого леща
он расплзался буквами, по клеточкам треща.

Он волновался волнами наждачными Невы,
сопел, жестикулировал и разве что не выл.

И грудью синь взрезая, как сердцем на ухаб,
багровыми подтёками рассвета набухал.

А в это время в сладости омытых кровью фикс
всё кланчил взгляды каверзно обычнопьяный сфинкс.

Там, в голове, зреет яйцо ума:
птенчик готов клюв за идею щерить...
Полной когда станет твоя сума –
вместе со смертью мудрость раздавит череп.

И вознесёшься и упадёшь опять,
в общем-то, спя, если на самом деле,
крылья свои о небо опять дробя,
кровью и телом завтракая недели...

Пережужешь, переживёшь глагол,
на ночь вином не позабыв причаститься,
и улетишь в зарево, где щегол
лузгает звёзды, сплёвывая зарницу.

ЗОДИАК

Как будто хулиган из Бутово
с ватагой местных забияк,
свинчаткой бил и день опутывал
неумолимый зодиак.

Ломая крышам переносицы,
как сумасшедший городской,
он февралём отчаянно носится,
убийства выдав гороскоп.

И лезвие стремится месяца
исследовать года орбит –
астролог ли так с жиру бесится,
что просыпаешься, обрит,

и ждёшь суда его сурового,
дичась хромированных скоб,
когда, пространство изуродовав,
тебя увидит телескоп.

АКРОСТИХ

Говори на пурпурном наречье,
Абы молча не сиять в пролёт.
Легче льна, бегонии далече
Изумруд небесных глаз пройдёт.
Наплетя с три короба, вериги
Абазур лубочный оплетут –
Быть бы мне коперником великим
У русоволосых амплитуд,
Луч ловить провидцем окаянным
Аккурат длиннотой медных строф,
Трепетно в пространственные ямбы
O(I) Rh(-)
Выпуская медленную кровь.
A(II) Rh(+)

В день бездумный и промозглый
от глубин весенних чащ
до костей и вглубь, до мозга,
воздух длинен и кричащ.

Ветер в хлопотах довольных
дни и ночи напролёт
звон от струн высоковольтных
в шапку ельника кладёт.

И, похрустывая веткой,
к жгучей радости крапив,
шаг зари в обувке ветхой
по земле нетороплив.

ЦВЕТМЕТ: ПУНКТ ПРИЁМА

Мой пламенный философ, – карантин!
Фантомное – ещё ты помнишь жженье,
ведь кабель (что, как жизнь, под напряженьем)
на кисть тебя вчера укоротил.

Но, вырастая в глиняный колосс,
по рельсам ты блуждаешь без утайки
и, возле шпал откручивая гайки,
назавтрапустишь поезд под откос.

И, сердце метанолами храбря,
нажатием моих нелепых клавиш
в лесу ты август, как резину, плавишь,
надеясь добрести до октября.

Вот камень, что алхимиком готов:
смотрите, если кто-то не заметил –
сгущенье алюминия и меди
даёт в итоге золото годов.

Не о том я пока пою,
строки кровью своей пою,
и они набухают в плоть,
как Господь.

В то, что пишешь, и сам не верь –
сердце заперто, словно дверь,
а ключи высоко звенят –
глубоко в меня.

Это было и будет так:
ночи синей дерёт наждак,
вместе с кожей за стружкой слов
обнажает зов.

И шепчу я на свой ушиб
и в воде, и в огне души –
за дуду мою да рожки
утопи! сожги!

Отрывается календарь,
стих кружится куда-то вдаль,
по нему я – как по жнивью,
но ещё живу.

О.М.

Если тёмный огонь отразится в ступенях воды
и как медленный конь истоптавший воронез до дыр
захрапит на сарай перекинувшись к крышам домов
значит грешник за рай навсегда умирать не готов

значит крестик сдавил изнурённую впалую грудь
значит в отклике вил не мятеж а призывы на труд
и горит огонёк у Матрён и задумчивых Кать
что взбирались на трон дабы семя мужское схаркать

значит встанет герой королевич степей и мотыг
за крестьянство горой продлевая столыпинский стык
на фонарных столбах на голгофах на детских плечах
кому в лоб кому в пах раздавая земную печать

потечёт от лампад долгожданный невольничий свет
от злодеев и падл заискрится знакомый завет
и пройдётс я шатун по сибирским когтям-городам
разменявший версту на слова что я вам передам

ибо это во лжи искривляет огонь времена
потому что ожив наша память к бесчинствам смирна
и с обугленных уст у продлённого в вечность одра
алчный Молоха хруст омывает прямая вода

ИНОРОДНАЯ ВЕЩЬ

Перейдя на запретный язык,
потрясая основы,
плавяшь горлом немые азы
в клёкот странный и новый.

И когда инородную вещь
больше выплакать нечем –
голос твой вдруг становится вещь,
буквы разве что мельче.

Где истина высоколоба
и смысл печально глубок –
как гром среди ясного нёба,
язык попадёт на зубок.

Откуда, откуда, откуда
под утро в душе холодок –
как предвосхищение чуда
пока не услышанных строк?!

Небо с водой не дружит –
те же цвета, но речь
синюю речку душит,
в душу спеша затечь
громким хмельным потоком,
молнией и слезой –
водит под мокрым током,
слепит сухой грозой...

За окном, до утра приуныв,
двор уляжется с нищим.
Замерцает фонарик луны –
что ты, Господи, ищешь?

Летом полночь совсем не видна –
бродит полуживая,
осушая поэта до дна
и бутыль разбивая.

Позади – как в полыни.
Впереди – только крест.
То унынье нахлынет,
то неделю нетрезв.

Раз уж череп так узок –
вынь из ножен тесак
и заставь свою Музу
на культяпках сплясать.

ПАДАЕТ ТИШИНА

Тиха и прозрачна осень,
и хрупок полёт листа,
который стремится, оземь
ударившись, вещим стать.

И так бесконечно немо
в желании долг вернуть
многопудовое небо,
упавшее мне на грудь...

Куличики лепил на берегу –
воспоминанье детства берегу.

Не то, чтобы заботами обмяк,
но выстроен бетонный особняк.

И стало невозможно отыскать
воздушный светлый замок из песка.

А где-то неизвестный дурачок
стихов насобирает в кулачок.

ДЕКАБРЬСКИЙ ДОЖДЬ

Только ночь в три ручья, только чай на весенней воде
кипятить без конца, подмешав новогоднюю слякоть...
Бить капелью по сну, быть тебе, быть великой беде –
если боги играют в людей и стараются плакать.

Только здесь, в декабре, на кроваво подтаявшем льду
человек исчезает во тьме временного завала...
Вот была бы такая зима в 41-м аду –
и меня б не бывало...

ФОТОСИНТЕЗ

За включенным осенним днём
ещё бежала трясогузка,
себя по корочке земли
намазывая густо.

Ещё она была жива,
полна зелёного налива,
из всех прожилок враз пия
любовь и радость хлорофилла.

Жизнь – застенчивый кузнечик,
разбегающийся в даль.
Прыгнет в небо человек
и исчезнет навсегда.

Только клеверная стела
прорастёт в тени крыльца,
и останется от тела
золотистая пыльца.

Галине Булатовой

Птичий контур, чертёж без деталей,
в небо шаг, или взмах, или два,
от осенне-осиновых далей,
пункт за пунктом, пунктиром, едва,

прочертив облака, предначертав
оставаться на окнах ночей,
и пером по бумаге зачем-то
лунной горлицей стынуть ничьей,

занемочь, где в сиреновой тряске
клювы клином вбиваются в юг,
и синицы, сипя на татарском,
минаретные гнёздышки вьют,

задышать глубоко в понедельник,
отыскав голубиную клеть,
и застуженный крестик нательный
на груди у меня отогреть.

Проржавела небесная кровля
и закатом на окна крошит.
До последней осенней крови
день бомжами за домом прожит,

и поджарен последний голубь
на горящем куске картона.
За невысказанным глаголом
градус в горле бродяги тонет.

Так уходят отцы и деды,
в коммунальных спиваясь клетях,
это им через крюк продеты
удушающие столетья,

это души их по округе
в предпохмельном суровом плясе,
за собою задраив люки,
громыхают по теплотрассе.

Г.Б.

Так устану – что ты к устам
поднесёшь мне однажды зеркальце,
и проржавленный пьедестал
за кумиром на небо сверзится.

Посади меня в чернозём –
лучше так, чем терпеть и мучиться:
отрыдаться разок за всё,
дорогая моя попутчица.

На плечо да на хрупкий стан
не возьмёшь ведь всю силу храма ты,
виноватится ангел сам –
нет поэту охранной грамоты.

Облака керосином жгут,
полыхает бумага писчая –
как же сильно меня там ждут,
что ожогами лишь я жив ещё.

ТРЁХКОЛЁСНЫЙ БОГ

Навострив свои педали,
в раскученные дали
трёхколёсный катит бог.

От червя и человека,
от бессмысленного века
он ушёл, как колобок.

Полям, речкой, огородом
катит бог за поворотом,
мне по встречной полосе.

Есть ещё секунда с лишним,
чтоб столкнуться со всевышним
и осесть на колесе...

Одуревшей головою,
небо выбив лобовое,
тенью, ласточкой, звездой

мягко выпорхнет из тела
строчка горнего предела,
уплатив за проездной.

АНДАЛУЗСКИЙ ПЁС

На крови замесишь и подаришь
свой тяжёлый, как ботинок, взгляд.
Андалузский пёс тебе товарищ –
бешено из зала закричат.

Тишина затопает в ладоши,
и немое кончится кино,
но зрачок исследовать продолжит
память чёрно-белую смешно.

Только свет очей на бритве замер,
отражая пониманье вдруг:
умирать с открытыми глазами –
лучшая наука из наук.

Филиппу Пираеву

Иногда нужно вспомнить, что я человек
и земного конца не миную,
а пока – для чего проживаю свой век,
что кладу я в копилку земную?

Голоса из глубинных предчувствий беря,
для чего отшлифовывал разум?
Для чего по сусекам всего словаря
наскребал я заветную фразу?

Эта ночь, как последняя в мире, тиха,
в ней рождается голое слово...
За хорошую строчку живого стиха
умираю я снова и снова...

КИНО

Ещё один денёк засвеченный,
испорченный рекламой дубль,
и на сеансе парень вечером
с экрана дует янки-дудль.

Ещё один стишок немедленный –
реакция на рецидив.
Затих поэт с проводкой медною,
сквозь зубы небо процедив.

А кинолента не кончается,
механик сеет беглый свет,
и отражённый луч качается,
на лицах оставляя след.

Да, в этой солнечной империи,
где каждый входит в каждый дом –
мы все умрём в десятой серии,
но если надо – оживём.

В кашемировом небе на вырост
облака на резинке ношу,
и весны неслучайную сырость
по щекам иногда развожу.

Чтобы в детстве, костром обожжённом,
вдруг запахнув ночью росой,
проглянуло бы под капюшоном
удивленье озона грозой.

И на Млечном Пути без ошибки
мама с папой увидеть смогли
голубые, как вечность, прожилки
зарифмованной сыном Земли.

В серии «Только для своих» в 2015 году выпущены:

**Наталия Черных (Москва). Четырнадцать
Александр Петрушкин (Кыштым). Подробности
Александр Павлов (Армавир). Недолет
Вадим Балабан (Троицк). Нулевая палата
Изяслав Винтерман (Израиль). Огонь на двоих
Владислав Семенцул (Екатеринбург). Трубка полого снега быстрого бега
Янис Грантс (Челябинск). Конъюнктивит
Дмитрий Машарьгин (Озёрск). Всё проще
Алексей Мишуков (Украина). Дядька Иван
Эдуард Учаров (Казань). Трёхколёсное небо.**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

Эдуард Учаров
Трёхколёсное небо.
Книга стихотворений

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 28.12.2015 г.
Формат: 148x148 1/16
Тираж: 400 экз.